

МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

INTERSTATE INTERACTION IN HISTORICAL DEVELOPMENT

Научная статья

УДК 93/94

DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-2-123-133

Роль Русской духовной миссии в Китае в подготовке чиновников МИД

Инна Николаевна Мамкина

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

Inna-mamkina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5583-3072>

Деятельность Русской духовной миссии в Пекине способствовала укреплению отношений России и Китая. История изучения Русской духовной миссии в Пекине представлена широким кругом публикаций светских и церковных исследователей. Особое внимание уделено научным исследованиям членов миссии, заложившим основу отечественного китаеведения. Не осталась в стороне миссионерская и дипломатическая работа миссии. Вместе с тем за рамками исследований оставлена государственная служба учеников миссии. Целью данной работы является проведение комплексного исследования организационно-правовой основы института ученичества Русской духовной миссии, определение роли Русской духовной миссии в Пекине в подготовке чиновников Коллегии, позднее Министерства иностранных дел. Согласно результатам исследования, право регулярно посылать миссию в Пекин было согласовано русской и китайской сторонами в Кяхтинском трактате 1727 г. Дополнительно в трактате оговаривалась отправка в Пекин четырёх учеников. Они изучали китайский и маньчжурский языки, занимались научной деятельностью. Исследования распределялись с учётом их предварительных знаний, желаний и способностей. Студенты принимались на государственную гражданскую службу. Производство в вышестоящие чины за особые заслуги производилось Советом миссии по согласованию с Министерством иностранных дел. Вернувшийся из Пекина студент определялся к дальнейшему месту прохождения государственной гражданской службы по определению министерства иностранных дел. В целом, ученичество в составе Русской духовной миссии стало фактором успешного карьерного роста и определённого социального лифта для многих учеников миссии. Автор приходит к выводу, что созданный при Русской духовной миссии институт ученичества являлся эффективным механизмом подготовки высококвалифицированных кадров, предназначенных для дипломатической деятельности.

Ключевые слова: Китай, Российская империя, Русская духовная миссия, дипломатия, ученики, государственная служба, Министерство иностранных дел

Original article

**Role of the Russian Spiritual Mission in China
in Training of the Ministry of Foreign Affairs Officials**

Inna N. Mamkina

Transbaikal State University, Chita, Russia

Inna-mamkina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5583-3072>

Activity of the Russian Spiritual Mission in Beijing helped to strengthen the relationships between Russia and China. The history of the Russian spiritual mission in Beijing is represented by a wide range of publications of Soviet and church researchers. At the same time, the civil service of the mission students was out of the scope of the study. The purpose of this work is to conduct a comprehensive study of the organizational and legal basis of the institute of apprenticeship of the Russian spiritual mission in Beijing, to determine the role of the Russian spiritual mission in the training of officials of the Board, later the Ministry of Foreign Affairs. The right to send the mission to Beijing regularly was agreed with both Russia and China in Khakhta Treaty in 1727. In addition, the treaty stipulated the sending of four students to Beijing. The students studied the Chinese and the Manchu languages. Students had to be engaged in scientific activities. Legal status of the students of the Mission was defined by regulations on civil servants. Production to higher ranks for special merits was carried out by the Mission Council with the approval of the Ministry of Foreign Affairs. A student returning from Beijing was determined to a further place of state civil service as it was decided by the Ministry of Foreign Affairs. As a whole, apprenticeship as a part of the Russian spiritual mission became a factor of successful career growth and a certain social lift for many students of the mission. The author concludes that the institute created under the spiritual mission was an effective mechanism for training highly qualified specialists for diplomatic activities.

Keywords: China, Russian Empire, Russian Spiritual Mission, diplomacy, civil service, Ministry of Foreign Affairs

Введение. Восточное направление российской внешней политики неразрывно связано с Китаем и имеет долгую историю взаимоотношений, переживавших взлёты и падения на протяжении более трёх столетий. Первые шаги государств навстречу друг другу осложнялись незнанием языка, истории, культурных традиций, что нередко становилось препятствием в установлении официальных контактов. Политическая культура Китая не предусматривала равных отношений с другими державами. Специфические представления китайских властей о дипломатии требовали от послов более глубоких познаний о Китае для достижения успеха в переговорах. Европейские державы, незнакомые с культурой и традициями Китая, столкнулись с необходимостью их изучения. В этом отношении российское государство имело некоторый приоритет, получив в начале XVIII в. согласие китайской стороны на постоянную деятельность Русской духовной миссии в Пекине. Других иностранных представительства в Китае не было.

Обзор литературы. Долгая история существования Русской духовной миссии в Пекине широко представлена в научных исследованиях. Авторами первых публикаций являются непосредственные участники миссий [1; 2]. Наиболее полное повествование о Русской духовной миссии в Пекине (далее –

РДМ) представлено иеромонахом Николаем (Адоратским), подробно описывающим историю миссий в XVIII столетии [3]. К юбилею миссии в 1913 г. опубликована «Краткая история Русской православной миссии в Китае» [4], где в хронологической последовательности описаны все миссии до начала XX в. Из светских авторов можно отметить работу русского дипломата И. Я. Коростовца [5].

В советский период миссия интересовала исследователей преимущественно с точки зрения её научно-исследовательской деятельности. Как правило, авторы сосредотачивались на изучении научной деятельности миссии и биографиях известных востоковедов. Известный китаист В. С. Мясников является автором первой биографии русского маньчжуроведа Г. М. Розова, опубликованной им в 1979 г. [6]. Исторический обзор о деятельности Русской духовной миссии в Пекине опубликован в 1968 г. русско-американским писателем В.П. Петровым [7]. Советский историк науки и техники М. И. Радовский, увлекшись переводами И. К. Россохина о производстве шёлка, опубликовал статью о научной деятельности и значении переводов И. К. Россохина в развитии науки [8]. Высокую оценку деятельности Н. Я. Бичурина давал советский синолог, исследователи русско-китайских отношений А. Н. Хохлов и С. Л. Тихвинский [10; 11].

Обзорная работа о миссионерской деятельности Русской духовной миссии в Пекине во второй половине XIX – начале XX в. написана Н. А. Смирновым [9].

В постсоветский период историография о РДМ дополнилась фундаментальным изданием коллектива авторов, рассматривающих деятельность миссии с точки зрения практического востоковедения [12]. На современном этапе изучения деятельности РДМ успешно сотрудничают светские и церковные исследователи в рамках проводимых совместных конференций. В частности, проведён ряд научных конференций под названием «Миссионерская деятельность русской православной церкви в Азии и Африке» с участием представителей Московской Патриархии и Института Дальнего Востока Российской академии наук с последующим изданием сборника статей [13]. Сотрудничество церковных и светских исследователей продолжилось в 2023 г. В Смоленске под эгидой Российской академии наук совместно с Учебным комитетом Русской православной церкви и т. д. проведена конференция «Миссионеры и миссии в контексте церковной истории XVIII–XX вв.».

Отдельные аспекты деятельности РДМ привлекли внимание современных исследователей. Одним из первых обратил внимание на воспитанников миссии известный востоковед А. Н. Хохлов. Его статья о стажёрах и стипендиатах миссии затронула мало изученный вопрос об ученичестве при Духовной миссии [14, с. 64–76]. Историк Е. П. Кудрявцева в исследовании истории первых консульств в Китае упоминает учеников Пекинской миссии, ставших первыми консулами в Кульдже и Чугучаке [15, с. 59–71]. Об учениках миссии в контексте изучения отечественного Китаеведения упоминает Г. И. Саркисова [16; 17]. А. М. Куликов, анализируя проект инструкции для руководства XIII миссии, проливает свет на порядок производства в чины светских членов миссии, в том числе и учеников [18, с. 244–258].

Таким образом, исследования последних лет приоткрыли страницу, посвящённую ученикам Русской духовной миссии в Пекине. Вместе с тем, изучив биографии, труды, служебную деятельность учеников духовной миссии, можно отметить, что отсутствуют сведения об их статусе государственных служащих, каковыми они являлись. Будучи, по сути, чиновниками, в Пекине ученики

миссии проходили углублённую практическую подготовку, выразившуюся не только в языковой подготовке, но и в получении определённых дипломатических навыков.

Целью данной работы является комплексное исследование организационно-правовой основы института ученичества Русской духовной миссии и определение её роли в подготовке чиновников Коллегии, позднее Министерства иностранных дел.

Методы исследования. Исследованию института ученичества с позиции государственных служащих способствовал формально юридический метод, позволивший провести отбор нормативных актов, закрепляющих правовую основу государственной гражданской службы. Сочетание хронологического и компаративистского методов способствовало последовательному изложению и выявлению специфических черт ученичества. Собранные биографические сведения учеников миссии позволили применить просопографический метод для выявления общих данных коллективной биографии.

Результаты исследования. Начало истории Духовной миссии связано с осадой Албазинской крепости. Пленные казаки албазинцы положили начало русскому присутствию в Китае. Вместе с ними в столицу Поднебесной попал священник Максим Леонтьев, поддерживавший православную веру в пленённых казаках.

Служение Максима Леонтьева не оставило равнодушной Русскую православную церковь. Для ведения богослужения с торговым караваном из Тобольска в Пекин были отправлены необходимые церковные атрибуты. Значимость постоянного присутствия духовных лиц в Китае оценили и светские власти. По указу Петра I 18 июня 1700 г. митрополит Киевский Варлаам (Ясинский) начал поиск кандидатур на пост митрополита Тобольского. Митрополит Тобольский обязывался распространять христианское учение не только в Сибири, но и на сопредельных землях, в том числе в Китае¹. Кроме того, в указе Петра I значилось пожелание привести в Китай «с собою добрых и ученых не престарелых иноков дву или трех человек, которые могли бы Китайскому и Мунгальскому языку и грамоте научиться, и их суеверие познать... и тамо могли бы

¹ ПСЗРИ. Собрание первое. – 1700–1712. – Т. IV. – Ст. 1800. – С. 59–61.

житии, и у той построенной Божией Церквией служить, чтобы своим благим житием Хана Китайского и ближних его людей и обще их народ привести бы к тому Святому делу, и к Российскому народу людям, которые по вся годы с караваны для торга и для всяких посылок порубежных ездят...»¹.

Реализация идеи об «ученых непрестарелых иноках» затянулась на долгое десятилетие. Указание Петра I удалось выполнить лишь 1712 г. После долгих согласований император Канси разрешил пребывание священнослужителей из России. Это судьбоносное решение заложило основу последующим взаимоотношениям двух держав.

Первая миссия была собрана и отправлена в Китай при непосредственном участии митрополита Тобольского Иоанна. В 1714 г. архимандрит Илларион (Лежайский) выехал со свитой в Пекин. Первую миссию представляли архимандрит, священники, диаконы и ученики – всего 15 человек, из них четверо учеников – Иван Пухарт, Федор Третьяков, Лука Воейков, Иван Шестопалов (Яблонцев).

Известно, что китайские власти встретили миссию с особым почётом. По прибытии в Пекин архимандрит был возведён в почётное звание мандарина 5-й степени, священники и диаконы – в мандарины 7-й степени [4, с. 3]. Относительно учеников мнения исследователей расходятся. Ряд авторов склоняется к тому, что учеников возвели в мандарины 8-й степени, по данным Д. Крайнева, студентов причислили к сословию солдат [19, с. 149–196], о том же пишет китайский исследователь Ли Цзинчэн [20, с. 7–33]. Впоследствии возведение членов миссии в почётные звания производилось крайне редко.

В первые годы деятельности Духовной миссии её организационно-правовой статус не был определён. Право регулярно посылать миссию в Пекин и беспрепятственно отправлять православные обряды было согласовано русской и китайской сторонами спустя десятилетие в Кяхтинском трактате 1727 г. Дополнительно в трактате оговаривалась отправка в Пекин учеников «...которые по-русски и по-латыне знают... будут жить также в сем доме, и корм дастся им из царского иждивения»². «Четыре мальчика

и два побольшего возраста»³ должны были изучать маньчжурский и китайский языки и обучать подданных китайского императора русскому и латинскому языкам [21, с. 32–36].

Китай не препятствовал нахождению учеников при Духовной миссии, за исключением одного случая. В 1755 г. Лифаньюань отказал во въезде в Пекин четырём ученикам, прибывшим в составе 5-й Миссии, под предлогом того, что в Кяхтинском трактате ничего не говорится о регулярной замене одних учеников другими. Во въезде было отказано Вавиле Ермолаеву, Стефану Соколову, Стефану Якимову, Ивану Озерову [20, с. 7–33]. Однако этот случай скорее можно считать единичным. Вскоре вопрос о пребывании учеников был урегулирован, все последующие составы миссий прибывали в Поднебесную без каких-либо существенных препятствий. Регулярно в составе миссии в Пекин приезжали четыре ученика. В зависимости от обстоятельств их количество могло изменяться.

Отбор студентов осуществлял Святейший Синод. В 1745 г. Духовная миссия попадает под двойное подчинение Святейшего Синода и Коллегии иностранных дел. Отныне ученики миссии отбирались Синодом и согласовывались с Коллегией иностранных дел. Предположительно, один из студентов должен был направляться от Иркутского генерал-губернатора или по возвращении из Пекина оставаться на службе в Восточной Сибири. С конца XVIII в. подбор членов миссии, в том числе и учеников, осуществлялся с учётом их определённых способностей и согласия.

В 1820-е гг. ученический состав дополнился врачом, художником, астрономом. Увеличение гражданского состава миссии связано с изменением позиции властей относительно восточного соседа. Появление англичан, французов в Китае заставило русское правительство внимательнее относиться к внутренним делам азиатского соседа, что и привело к усилению состава миссии. Власти считали, что практические занятия врача и художника будут способствовать укреплению взаимоотношений с местным населением.

Обсуждение результатов исследования. Таким образом, ученический состав миссии окончательно оформился к 1820 г. Дипломатические органы согласо-

¹ ПСЗРИ. Собрание первое. – 1700–1712. – Т. IV. – Ст. 1800. – С. 59–61.

² Русско-китайские отношения 1689–1916. Официальные документы. – М.: Изд-во Вост. лит., 1958. – С. 17–28.

³ Там же.

вывали кандидатуры и определяли задачи учеников на период работы миссии. В инструкциях от Министерства иностранных дел чётко оговаривалось, что «Цель Правительства состоит в том: чтобы, во-первых, члены миссии возвратились из Китая с основательными познаниями в языках, нужных как в служебном, так и в ученом отношениях; во-вторых: чтобы каждый из них по той части, которую изберет для своих исследований, был в состоянии представить верные и точные сведения, из коих одне могут быть полезны для Правительства (в политическом, торговом, или промышленном отношении), другие – для наук и просвещения. Таким образом, учебные занятия членов миссии, по самому существу своему, разделяются на два рода: 1) изучение языков; 2) труды ученые и собрание всяких полезных сведений» [18, с. 244–258].

Китайский язык изучали все члены миссии, кроме художника, которой ограничился знанием разговорного языка. Трое студентов, включая студента, направленного Иркутским генерал-губернатором, изучали маньчжурский язык. В инструкции отмечалось, что «они должны знать сей язык так, чтобы могли свободно и со всею возможною точностью на оный переводить; ибо бумаги наши в пекинский Трибунал внешних сношений и к Ургинским пограничным правителям посылаются всегда с маньчжурскими переводами» [Там же].

Помимо изучения азиатских языков ученики занимались научной деятельностью. Занятия распределялись с учётом их предварительных знаний, желаний и способностей. Они изучали историю, географию, медицину, математику, литературу и философию, статистику и юриспруденцию китайского государства, учение Конфуция. В XIX в. программа научных исследований утверждалась Азиатским департаментом МИДа.

Ежеквартально все члены духовной миссии отчитывались архимандриту о проведённой работе. В свою очередь архимандрит составлял отчёт Азиатскому департаменту «с нужными объяснениями и с присовокуплением засвидетельствования об успехах каждого» [Там же].

Правовой статус учеников миссии определялся положением о государственных служащих. Студенты принимались на государственную гражданскую службу одним чином выше прочих поступающих на службу,

с последующим повышением в чинах через два-три года.

Полномочия повышения по службе возлагались на Совет миссии. В состав Совета входили два иеромонаха, врач и студент астроном. Возглавлял Совет архимандрит. Основанием для производства в чины служила «ревностная и беспорочная служба». Совет имел право повышения по службе до IX чина титулярного советника включительно. Производство в вышестоящие чины за особые заслуги производилось по согласованию с Министерством иностранных дел.

По возвращении в Россию, после окончания срока полномочий миссии, студенты производились в вышестоящий чин автоматически, независимо от сроков его получения. Вернувшийся из Пекина студент определялся к дальнейшему месту прохождения государственной гражданской службы по определению министерства иностранных дел в зависимости от полученного чина и уровня профессиональных знаний. В случае особых заслуг ученики представлялись к наградам орденами. По возвращении из Пекина ученики могли рассчитывать на пенсию трёх разрядов в зависимости от заслуг. Высший разряд предусматривал выплаты в размере 500 р., средний – 400 р., низший – 300 р. серебром в год. В начале XIX в. размер пенсии был увеличен: «...студентам определяется ежегодная пенсия, именно: лекарю 700 руб., а прочим каждому по 500 руб. серебром в год. Из них двум отличившимся даны будут ордена Св. Владимира или Св. Анны»¹. Вместе с тем отметим, что ученик мог лишиться права на пенсию при плохом поведении, возвращении раньше срока, отсутствии научных результатов².

Обратим внимание, что научная деятельность учеников в Китае полностью себя оправдала. Научные исследования членов миссии, в том числе и учеников, заложили основы отечественного китаеведения. Сегодня труды бывших учеников И. К. Россохина, П. И. Каменского, К. А. Скачкова, А. С. Агафонова, А. Г. Владыкина, З. Ф. Леонтьевского, И. А. Гошкевича положены в основу отечественной синологии.

Изучив формальную сторону организации института ученичества в Русской духовной миссии, обратим внимание на особен-

¹ РГИА. – Ф. 733. – Оп. 99. – Д. 73. – Л. 20.

² Там же.

ности её практической реализации. За всю историю существования учеников при миссии в Пекине прошли обучение приблизительно 44 человека, чьи имена и время пребывания в миссии известны и подтверждаются исследованиями по истории миссии. В разные годы состав миссии варьировался от 8 до 14 человек. Количество учеников не превышало пяти человек, назначенных в миссию по определению духовного руководства из числа выпускников духовных учебных заведений. Из 44 учеников только четверо (9 %) изъявили собственное желание поехать в Пекин – Никита Чеканов, Яков Коркин, Епифан Сычевский, Иван Захаров.

Данные о полученном образовании известны у 30 учеников, не установлены у 14, но это не означает, что они были безграмотными. Обратим внимание, что ученики из Сибири могли не иметь высшего образования, но знать азы китайского или маньчжурского языков. Например, Федор Третьяков знал монгольский язык, получив первые уроки от отца, селенгинского толмача Алексея Третьякова, участвовавшего в подписании соглашения с Китаем о пограничном торговом месте 17 мая 1728 г.¹ Епифан Сычевский до отправки в миссию поступил на службу в Троицкосавское пограничное управление учеником монгольского языка².

Учеников подбирали преимущественно из числа студентов духовных учебных заведений. Из установленных данных известно, что в первые миссии отправлялись выпускники Славяно-греко-латинской академии (Лука Воейков, Алексей Леонтьев, Андрей Канаев). Позднее образовательная география сместилась на северо-запад – девять учеников закончили Санкт-Петербургскую духовную академию, двое – Новгородскую и Нижегородскую духовную семинарию. Студенты из Сибири обучались в Казанской и Тобольской духовных семинариях (А. Агафонов, К. Кругополов, С. Липовцов, К. Павлинов).

Гражданские учебные заведения закончили З. Леонтьевский (Петербургский педагогический институт), К. Скачков (выпускник Одесского Ришельевского лицея),

¹ Разменное письмо об избрании на р. Аргунь мест для строительства русской и китайской торговых слобод. – URL: <https://www.abirus.ru/content/564/623/626/14338/16620/16630.html> (дата обращения: 26.01.2024). – Текст: электронный.

² Сычевский Епифан Иванович. – URL: http://irkipedia.ru/content/sychevskiy_epifan_ivanovich (дата обращения: 26.02.2024). – Текст: электронный.

Д. Пещуров (Санкт-Петербургский университет), Е. Сычевский обучался в Иркутской губернской семинарии.

К приезду в Пекин некоторые из учеников уже имели предварительную подготовку по китайскому языку. С начальными знаниями китайского или маньчжурского языка в Пекин приехало 13 учеников из 44 (29 %). Этому способствовало открытие частных школ по изучению китайского языка. Например, в 1725 г. в Иркутске архимандритом Антонием при Вознесенском монастыре открыта «мунгальская школа» для изучения монгольского и китайского языков. Ученики второй миссии Г. Шульгин, М. Пономарев, И. Россохин обучались в этой школе. Изучение китайского языка было возможным у частных лиц или в училищах, образованных в разное время при Коллегии иностранных дел, при Академии наук. Например, Алексей Леонтьев (в будущем известный синолог) начал изучение маньчжурского языка в училище при Коллегии в Москве, согласно другим данным, он изучал язык у крещеного китайца Федора Джоги [24]. Позднее по его инициативе, уже после возвращения из Пекина, при Академии наук в Санкт-Петербурге было открыто училище китайского и маньчжурского языков. Антон Владыкин, ученик седьмой миссии, отмечая сложность изучения китайского языка, по возвращении из Пекина рекомендовал начинать обучение языку заранее, чтобы не тратить время на «затверживание вокабул и литер» [16, с. 292–306]. По его инициативе в конце XVIII в. при Коллегии иностранных дел начала деятельность школа переводчиков.

Принимая во внимание то, что в миссию отправлялись выпускники учебных заведений, отметим, что средний возраст учеников составлял 19–20 лет. Самым молодым учеником, поехавшим в Пекин, можно считать 16-летнего Федота Третьякова, остальные отправлялись в поездку в возрасте 20–22 лет. В возрасте 27 лет был прикомандирован к миссии К. Скачков³. Казалось бы, молодость учеников подразумевает расцвет сил и здоровья, однако смертность в Пекине была довольно высокой. Из 44 учеников вернулись в Россию и продолжили службу 28 человек (63 %). В Россию возвращались

³ Восточная литература. Константин Андрианович Скачков. – URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/china.htm> (дата обращения: 05.02.2024). – Текст: электронный.

уже возмужавшие 30–35 летние мужи, которых сложно назвать учениками.

Социальный состав ученичества изначально предполагал преобладание выходцев из духовного сословия. При более тщательном изучении происхождения студентов картина несколько меняется. Из известных личных данных 30 учеников 15 происходили из духовенства, остальные 15 из разных сословий. Так К. Скачков родился в семье мещан, З. Леонтьевский был сыном отставного обер-офицера, А. Канаев – купеческий сын, Е. Сычевский из казаков, А. Владыкин – крещёный калмык. Ученик 14-й миссии Д. А. Пещуров родился в семье дворянина [25, с. 25–34]. Несмотря на незначительное представительство отдельных сословий, по совокупности мы имеем соотношение 50 % духовенства против 50 % остальных сословий, что говорит об относительном преимуществе выходцев из духовенства.

Таким образом, ученик представлял собой молодого человека незнатного происхождения, с хорошим образованием либо с начальными знаниями китайского или маньчжурского языка, записанного в духовную миссию по решению вышестоящего начальства, редко по собственному желанию. Думается, что возможность ускоренного служебного роста, пожизненная пенсия являлись решающими факторами согласия учеников на поездку в Пекин на десять лет и более.

Сохранились архивные документы, свидетельствующие о процедуре отбора учеников архимандритом Петром (Каменским) (в миру Павел Иванович Каменский) в 1818–1820 гг. Отметим, что П. Каменский начинал свой путь с ученика восьмой миссии. В состав миссии архимандрита Петра входили иеромонахи Данил (Сивиллов), Вениамин (Марочевич), иеродиакон Израиль (Веретенников), причетники Алексей Сосницкий, Николай Вознесенский, врач Иосиф Войцеховский, пристав Е. Ф. Тимковский. Ученики: Кондратий Крымский, Василий Абрамов, Захар Леонтьевский.

Приступая к отбору учеников, архимандрит писал: «... для чести России и для пользы нашей православной веры необходимо, чтобы все они были избраны из людей отличных по нравственности, талантам и сведениям»¹.

Студентам определялись области научного исследования. «Один из них / то есть взятый из медицинского факультета / обратит своё внимание на медицину и натуральную историю Китая; другой – на состояние математической науки в сем крае, на китайскую литературу и философию, в особенности на систему Конфуция; третий посвятит себя изучению истории, географии, статистики и юриспруденции китайского государства; четвёртый будет собирать сведения о сельском хозяйстве китайцев, о домашней их жизни, земледелии, мастерствах и художествах»².

Архимандрит обратился к научным обществам с просьбой о разработке рекомендаций по организации научных исследований учеников миссии. Он просил «начертать для студентов приличные наставления, какими они могли бы руководствоваться при занятиях своих во время пребывания их в Китае»³. В Академии наук был образован особый комитет в составе академиков В. М. Севергина, В. К. Вишневого, Ф. И. Круга, Х. Д. Френа. Комитет на основе инструкции, данной датским правительством путешественнику Карстену Нибуру, разработал требуемые рекомендации для учеников Пекинской миссии. Любопытно, что архимандрит просил присвоить ученикам статус членов-корреспондентов Академии наук, но академики корректно отказали, пообещав в случае незаурядных заслуг присвоить звание после возвращения учеников из Китая⁴. Отметим, что переписка с зарубежными научными сообществами строго запрещалась.

Конференция императорской медико-хирургической академии единогласно назначила для поездки в Китай выпускника академии, кандидата фармацевции Федора Штейна. «Конференция подвергла Штейна испытанию на лекарское звание, нашла его во всех предметах превосходные знания»⁵. Однако позднее Ф. Штейн был заменён Иосифом Войцеховским.

Принимая во внимание уровень структур, занимавшихся подготовкой учеников к поездке в Пекин, следует отметить предававшееся серьёзное значение их деятельности.

После возвращения из Китая значительная часть учеников продолжала службу

² Там же. – Л. 16.

³ Там же. – Л. 34.

⁴ Там же. – Л. 37.

⁵ Там же. – Л. 61.

¹ РГИА. – Ф. 733. – Оп. 99. – Д. 73. – Л. 14.

на дипломатическом поприще. Из 28 вернувшихся учеников 20 получили назначение в коллегию иностранных дел, позднее – в Азиатский департамент МИД. Большинство из них назначено переводчиками, восемь продолжили дипломатическую службу в качестве консулов, участников посольств и подписаний соглашений (К. И. Павлинов – генеральный консул в Кульдже, К. Скачков – консул в Чугучаке, И. А. Гошкевич – первый дипломатический представитель Российской империи в Японии). Семеро продолжили службу в Восточной Сибири в Кяхте и Иркутске (Е. И. Сычевский, К. Г. Крымский, Е. Сахновский, А. С. Агафонов, Ф. Бакшеев, А. Парышев, В. Новоселов).

Бывшие ученики принимали непосредственное участие в посольствах, переговорах не только как переводчики, но и как консультанты, знатоки культурных традиций Китая. Так, А. Г. Владыкин сопровождал посольство Ю. А. Головкина. И. И. Захаров принимал участие в заключении Кульджинского трактата и установлении российско-китайской границы в 1864 г. К. Г. Крымский 30 лет проработал учителем китайского языка в Кяхтинском училище, будучи переводчиком VII класса Азиатского департамента, участвовал в экспедиции по Амуру. А. Л. Леонтьев в 1767 г. сопровождал посольство И. И. Кропотова в Пекин для переговоров по ряду спорных вопросов. М. Д. Храповицкий участвовал в российско-китайских переговорах в Тяньцзине и Пекине.

Насколько оправдались карьерные ожидания учеников Духовной миссии, следует судить по их чинопроизводству. Начиная службу с коллежского регистратора (14-го чина), вернувшиеся из Пекина ученики дослужились до высоких чинов, имели значимые государственные награды, пожизненные пенсии. Известно, что П. Каменский по прибытии из Пекина получил чин коллежского асессора (8-й чин) и пенсию (600 р.), Г. М. Розов награждён орденом Св. Станислава III степени и пенсией в 500 р., Е. И. Сычевскому назначена пенсия 500 р., награждён орденом Св. Станислава III степени, дослужился до чина титулярного советника. З. Леонтьевский награждён орденами Св. Станислава II степени, Св. Владимира IV степени, получал пенсию 100 р. И. А. Гошкевич награждён орденом Св. Станислава III степени, Св. Анны II степени, пенсией 500 р., имел чин статского совет-

ника. В. В. Горский, титулярный советник, награждён орденом Св. Станислава III степени; М. Д. Храповицкий, надворный советник, получил пожизненную пенсию и орден Св. Владимира IV степени.

А. Л. Леонтьев дослужился до чина надворного советника, К. Г. Крымский имел чин коллежского советника. И. И. Захаров, сын дьячка, дослужился до чина действительного статского советника, что соответствовало чину генерал-майора, давало право на потомственное гражданство. Обращаясь к И. И. Захарову, его следовало называть «Ваше Превосходительство». К. А. Скачков (известный китаевед, чиновник Азиатского департамента МИД, ученик 13-й миссии) тоже имел чин действительного статского советника. В целом, ученичество в составе Русской духовной миссии стало фактором успешного карьерного роста и определённого социального лифта для многих учеников миссии.

С подписанием в середине XIX в. серии договоров России и Китая отношения двух государств вышли на новый дипломатический уровень. В 1851 г. в Китае открылись первые российские консульства в Чугучаке и Кульдже, в 1861 г. назначен первый российский дипломатический представитель. Появление постоянных представительств в Китае обусловило учреждение дипломатической миссии в Пекине. В 1862 г. министерство иностранных дел инициировало преобразование Пекинской духовной миссии и учреждение в её составе Дипломатической миссии. В соответствии с решением Государственного Совета Духовная миссия возвращалась в «полное заведывание и распоряжение Духовного ведомства»¹. Из состава Духовной миссии были исключены должности художника и одного студента. Врача и оставшихся трёх учеников причислили к учреждённой Дипломатической миссии.

Государственный Совет определил: «...срок нахождения студентов Миссии Дипломатической в качестве *Jeunes de langues* назначить не менее четырёх лет, обязав их прослужить не менее шести лет на должностях, которые по истечении сказанного срока будут им представлены в Китае по усмотрению Министерства иностранных дел»². На содержание трёх студентов из казны выделили 1400 р. на каждого. Студенты прини-

¹ РГИА 565. – Оп. 1. – Д. 109. – Л. 32.

² Там же.

мались к службе в IX классном чине. Врачу выделялось 2300 р. в год и 500 р. на лекарства и аптекарские принадлежности¹.

Таким образом, после учреждения официальной русской дипломатической миссии в Пекине в 1861 г. вопрос об учениках Духовной миссии был решён. С 1863 г. ученики переведены в состав дипломатической миссии. Духовная миссия в Пекине продолжала свою деятельность в рамках миссионерской деятельности, её дипломатические функции были упразднены, в её составе остались архимандрит, три иеромонаха, священник и катехизатор. На содержание выделяли 10 600 р. в год².

Заключение. Таким образом, отметим, что созданный при Духовной миссии институт ученичества являлся эффективным механизмом подготовки высококвалифицированных кадров, предназначенных для дипломатической деятельности. К моменту принятия судьбоносных решений относительно восточных рубежей государства Россия обладала квалифицированными дипломатическими чиновниками, имевшими должную практическую подготовку, что позволило успешно реализовать интересы государства на Дальнем Востоке. Ученики Духовной миссии находились в самой гуще внешнеполитических событий на востоке Российской империи. Принимали непосредственное участие в подписании важнейших международных актов, в том числе определявших границы между Россией и Китаем. Чиновники министерства иностранных дел, прошедшие подготовку в Пекине, заложили фундамент российско-китайского сотрудничества, основанный на взаимном уважении, знании китайской культуры, традиций внешнеполитического взаимодей-

ствия. Благодаря фундаментальной подготовке учеников Русской духовной миссии в Пекине, сформировался костяк дипломатов, успешно продвигавших российские интересы на востоке империи.

В заключение необходимо отметить, что в контексте изменений приоритетов российской внешнеполитической доктрины современное востоковедение находится в центре пристального внимания властей. Попытка возродить государственное китаеведение как систему подготовки специалистов сталкивается с рядом проблем системного характера. Как показывает опыт, изучение языка не является единственной составляющей востоковедческой подготовки. Востоковедение – это комплексная, многоуровневая фундаментальная программа подготовки специалиста, требующая длительного времени и системного подхода.

Попытки государства актуализировать современное востоковедение без учёта российского и советского опыта будут малоэффективными. В свете сказанного дальнейшее изучение различных аспектов из истории востоковедческого образования представляется вполне перспективным. Пристального внимания исследователей заслуживает изучение опыта деятельности чиновников Азиатского департамента в контексте российско-китайского взаимодействия непосредственно на приграничных территориях. Безусловно, разработка современной концепции подготовки специалистов востоковедов должна базироваться на сочетании исторического опыта, эффективных практик и фундаментальной основы, сложившейся в результате длительного взаимодействия с азиатскими державами.

Список литературы

1. Софроний (Грибовский), архим. Уведомление о начале бытия россиян в Пейдзине и о существовании в оном грекороссийской веры // *Материалы для истории Российской Духовной Миссии в Пекине* / под ред. Н. И. Веселовского. – СПб.: Тип. Глав. упр. уделов, 1905. 27 с.
2. Записка о посольствах Российских в Китае. Почерпнуто из Иркутского Архива архимандритом Аполлосом // *Историко-статистический и географический журнал*. 1830. Ч. 1, № 2. С. 120–138; № 3. С. 214–229.
3. Николай (Адоратский), иеромонах. *Православная Миссия в Китае за 200 лет ея существования: опыт церковно-исторического исследования по архивным документам*. Казань, 1887. 367 с.
4. *Краткая история Русской православной миссии в Китае, составленная по случаю исполнившегося в 1913 году 200-летнего юбилея ея существования*. Пекин: Тип. Успенского монастыря, 1916. 226 с.
5. Коростовец И. *Китайцы и их цивилизация*. 2-е изд. СПб.: Н. Аскарханов, 1898. 628 с.
6. Мясников В. С. *Русский маньчжуровед Г. М. Розов* // *Проблемы Дальнего Востока*. 1979. № 1. С. 181–187.

¹ РГИА 565. – Оп. 1. – Д. 109. – Л. 78.

² Там же. – Л. 32.

7. Петров В. П. Российская духовная миссия в Китае. Вашингтон: Изд. Русского книжного отдела в США, 1968. 96 с.
8. Радовский М. И. Русский китаевед И. К. Россохин // Из истории науки и техники в странах Востока. М., 1961. Вып. 2. С. 88–99.
9. Смирнов Н. А. Миссионерская деятельность церкви (вторая половина XIX в. – 1917 г.) // Русское православие: Вехи истории. М., 1989. С. 438–462.
10. Хохлов А. Н. Н. Я. Бичурин и его труды о Монголии и Китае // Вопросы истории. 1978. № 1. С. 55–72.
11. Тихвинский С. Л. Выдающийся русский китаевед Н. Я. Бичурин: к 200-летию со дня рождения // Китай и Всемирная история / С. Л. Тихвинский. М., 1988. С. 163–182.
12. История отечественного востоковедения до середины XIX века. М.: Наука. Гл. ред. Вост. лит., 1990. 435 с.
13. История Российской духовной миссии в Китае: сб. ст. М.: Изд-во Свято-Владимир. братства, 1997. 414 с.
14. Хохлов А. Н. Стажеры и стипендиаты Пекинской миссии // Православие на Дальнем Востоке. 275-летие Пекинской духовной миссии: сб. ст. СПб.: Андреев и сыновья, 1997. С. 64–76.
15. Кудрявцева Е. П. Первые российские консульства в Китае // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 3. С. 59–71.
16. Саркисова Г. И. Из истории отечественного китаеведения: учреждение школы китайского и маньчжурского языков при Коллегии иностранных дел (1798–1801 гг.) // Китай в мировой и региональной политике: история и современность. 2016. Т. 21, № 21. С. 292–306.
17. Саркисова Г. И. Малоизвестные аспекты жизни и деятельности 8-й Российской духовной миссии в Пекине (по архивным материалам) // Китай в мировой и региональной политике: история и современность. 2018. Т. 23, № 23. С. 351–362.
18. Куликов А. М. Проект инструкции для руководства XIII Российской духовной миссии в Пекине // Восток (Oriens). 2021. № 2. С. 244–258.
19. Крайнев Д. Роль Русской духовной миссии в Пекине в обеспечении дипломатического присутствия России в Китае с конца XVII до середины XIX века // Труды Нижегородской духовной семинарии. 2008. № 6. С. 149–196.
20. Ли Цзинчэн. Из истории Русской духовной миссии в Пекине с 1715 по 1860 годы (по китайским материалам) // Международные отношения и диалог культур. 2016. № 5. С. 7–33.
21. Векшина М. Н. Религия, политика и наука в истории Русской духовной миссии в Пекине // Вестник Вятского государственного университета. 2018. № 1. С. 32–36.
22. Куликов А. М. Проект инструкции для руководства XIII Российской духовной миссии в Пекине. Восток (Oriens). 2021. № 2. С. 244–258. DOI: 10.31857/S086919080014216-4.
23. Дацышен В. Г. Изучение истории Китая в Российской империи. М.: Проспект, 2017. 192 с.
24. Саркисова Г. И. Из истории отечественного китаеведения: учреждение школы китайского и маньчжурского языков при коллегии иностранных дел (1798–1801 гг.) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2016. Т. 21, № 21. С. 292–306.
25. Хохлов А. Н. Китаист Д. А. Пещуров – дипломат и педагог // Восточный архив. 2014. № 1. С. 25–34.

Информация об авторе

Мамкина Инна Николаевна, доктор исторических наук, доцент, Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30; Inna-mamkina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5583-3072>.

Для цитирования

Мамкина И. Н. Роль Русской духовной миссии в Китае в подготовке чиновников МИД // Гуманитарный вектор. 2024. Т. 19, № 2. С. 123–133. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-2-123-133.

Статья поступила в редакцию 15.03.2024; одобрена после рецензирования 20.04.2024; принята к публикации 28.04.2024.

References

1. Sofroniy (Gribovskiy), archim. Notification of the beginning of the existence of Russians in Peijin and the existence of the Greek-Russian faith in it. Materials for the history of the Russian Spiritual Mission in Beijing. Edited by prof. N. I. Veselovsky, SPb. Tip. Glav. Upr. udelov, 1905. (In Rus.)
2. A note on Russian embassies to China. Taken from the Irkutsk Archive by Archimandrite Apollon. Historical, statistical and geographical journal, ch. 1, no. 2, pp. 120–138; no. 3, pp. 214–229, 1830. (In Rus.)
3. Nikolay (Adoratskiy), ierom. The Orthodox Mission in China for 200 years of its existence: The experience of Church historical research on archival documents. Kazan, 1887. (In Rus.)

4. A brief history of the Russian Orthodox Mission in China, compiled on the occasion of the 200th anniversary of its existence in 1913. Peking: printing house of Uspensky monastery, 1916. (In Rus.)
5. Korostovets, I. The Chinese and their civilization. 2nd ed. St. Petersburg: N. Askarkhanov, 1898. (In Rus.)
6. Myasnikov, V. S. Russian Manchurian G. M. Rozov. Problems of the Far East, no. 1, pp. 181–187, 1979. (In Rus.)
7. Petrov, V. P. The Russian Spiritual mission in China. Washington: Izd. Russkogo knizhnogo otdela v SShA, 1968. (In Rus.)
8. Radovsky, M.I. Russian sinologist I.K. Rossokhin. From the history of science and technology in the countries of the East. Vol. 2. M., 1961. P. 88–99. (In Rus.)
9. Smirnov, N. A. Missionary activity of the church (Second half of the 19th century – 1917). Russian Orthodoxy: Milestones of History. M., 1989: 438–462. (In Rus.)
10. Khokhlov, A. N. N. Ya. Bichurin and his works on Mongolia and China. Questions of history, no. 1, pp. 55–72, 1978. (In Rus.)
11. Tikhvinsky, S. L. Outstanding Russian sinologist N. Ya. Bichurin: To the 200th anniversary of his birth. Tikhvinsky S. L. China and World History. M., 1988: 163–182. (In Rus.)
12. History of Russian Oriental Studies until the middle of the 19th century. Moscow: Science. Main editorial office of oriental literature, 1990. (In Rus.)
13. The history of the Russian Spiritual Mission in China: Collection of articles. Moskva: Izd-vo Svyato-Vladimir. bratstva, 1997. (In Rus.)
14. Khokhlov A. N. Trainees and fellows of the Beijing Mission. Orthodoxy in the Far East. 275th anniversary of the Beijing Spiritual Mission: collection. Art. St. Petersburg: Andreev and sons, 1997: 64–76. (In Rus.)
15. Kudryavtseva, E. P. The first Russian consulates in China. Bulletin of MGIMO University, no. 3, pp. 59–71, 2018. (In Rus.)
16. Sarkisova, G. I. From the history of Russian Sinology: the establishment of a school of Chinese and Manchu languages at the College of Foreign Affairs (1798–1801). China in world and regional politics: history and modernity, no. 21, pp. 292–306, 2016. (In Rus.)
17. Sarkisova, G.I. Little-known aspects of the life and activities of the 8th Russian Spiritual Mission in Beijing (based on archival materials). China in world and regional politics: history and modernity, no. 23, pp. 351–362, 2018. (In Rus.)
18. Kulikov, A. M. Draft instructions for the leadership of the XIII Russian spiritual mission in Beijing. Vostok (Orlens), no. 2, pp. 244–258, 2021. (In Rus.)
19. Krainev, D. The role of the Russian spiritual mission in Beijing in ensuring the diplomatic presence of Russia in China from the end of the 17th to the middle of the 19th century. Proceedings of the Nizhny Novgorod Theological Seminary, no. 6, pp. 149–196, 2008. (In Rus.)
20. Li Jingcheng. From the history of the Russian spiritual mission in Beijing from 1715 to 1860 (based on Chinese materials). International Relations and Dialogue of Cultures, no. 5, pp. 7–33, 2016. (In Rus.)
21. Vekshina, M. N. Religion, politics and science in the history of the Russian Spiritual Mission in Beijing. Bulletin of the Vyatka State University, no. 1, pp. 32–36, 2018. (In Rus.)
22. Kulikov, A. M. Draft instructions for the leadership of the XIII Russian Spiritual Mission in Beijing. East (Oriens), no. 2, pp. 244–258, 2021. DOI: 10.31857/S086919080014216-4. (In Rus.)
23. Datsyshen, V. G. Studying the history of China in the Russian Empire. M: Prospekt, 2017. (In Rus.)
24. Sarkisova, G. I. From the history of Russian Sinology: the establishment of a school of Chinese and Manchu languages at the College of Foreign Affairs (1798–1801). China in world and regional politics. History and modernity, no. 21, pp. 292–306, 2016. (In Rus.)
25. Khokhlov, A. N. Sinologist D. A. Peschurov – diplomat and teacher. Eastern archive, no. 1, pp. 25–34, 2014. (In Rus.)

Information about the author

Mamkina Inna N., Doctor of History, Associate Professor; Transbaikalian State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., 672039, Chita, Russia; Inna-mamkina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5583-3072>.

For citation

Mamkina I. N. Role of the Russian Spiritual Mission in China in Training of the Ministry of Foreign Affairs Officials // Humanitarian Vector. 2024. Vol. 19, no. 2. P. 123–133. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-2-123-133.

Received: March 15, 2024; approved after reviewing April 20, 2024; accepted for publication April 28, 2024.